

DOI: 10.46698/VNC.2022.84.45.012

САКРАЛЬНЫЕ ЛОКУСЫ ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ОСЕТИИ

Р.П. Кулумбегов

В статье рассматриваются категории сакрального ландшафта Осетии как части природной конфигурации среды обитания народа. На протяжении веков люди утверждали свое присутствие на определенной местности посредством поселений, обустройством хозяйственных зон, строительством религиозных объектов и кладбищ. Ареал обитания человека формировался в рамках природного и этнокультурного пространства, частью которого и стал сакральный ландшафт. Его составными элементами становились как рукотворные объекты (каменные и деревянные постройки, места захоронений), так и природные (пещеры, деревья и священные роицы). Одни из них представляли собой отдельный объект, другие – часть многоуровневого комплекса. При всем широком изучении отдельных элементов религиозной жизни осетинского народа сакральные локусы не рассматривались в контексте единого пространства мифологического действия. Этот пробел призвано восполнить данное исследование. В статье представлены заветные объекты Осетии по категориям: святилища, священные роицы и деревья, кладбища. Каждый из них имеет свою мифологическую составляющую, выделяющую его из общего числа подобных. Священные роицы являются местом первичного отправления религиозного культа, лишь спустя время они «наполняются» святилищами и церквями. Лесная дубрава была пространством почитания определенного представителя народного религиозного пантеона, персонификация существовала и в отношении отдельных священных деревьев. Святилища, ставшие важным элементом сакрального рельефа Осетии, представлены как отдельными объектами, так и как частью связанного между собой мифологического пространства, разнесенного в горизонтальной и вертикальной проекции. Заветные места в Осетии разделяются и по половозрастному принципу. Отдельную категорию духовного пространства составляют места последнего упокоения человека. В Осетии они представлены грунтовыми захоронениями, склепами различной архитектуры, памятными стелами.

Ключевые слова: сакральный ландшафт, святилище, священная роица, стела, кладбище.

Жизнь людей издревле проходит в окружении природы, при этом человек старался взаимодействовать с ландшафтом, приспособив его под свои нужды. А там, где это не удавалось по объективным причинам, он выстраивал свою повседневность в соответствии с особенностями среды обитания. Таким образом на протяжении веков формировалось окружающее человека пространство, возникали различные типы историко-культурных ландшафтов. Одним из результатов человеческой деятельности по изменению конфигурации местности стал сакральный ландшафт.

Сакральная топография формируется в рамках культурного, этнического ландшафта, являясь его компонентом, аспектом и вариантом. Поэтому антропологическая составляющая сакрального рельефа есть результат интеллектуальной и духовной деятельности людей по организации, управлению обликом природных географических ландшафтов. Управляющее воздействие людей на природный ландшафт в процессе его сакрализации выражается в наделении природных или рукотворных объектов, его составляющих, необычными качествами – священным содержанием [1].

Сакральная составляющая топографии визуально вписывается в профиль местности, изменяя и дополняя его. Святилища и церкви, священные рощи и кладбища устраивались с привязкой к природному ландшафту, одновременно формируя его новое восприятие.

Будучи привязанным к среде обитания определенного этноса, сакральный ландшафт является этнокультурным маркером, посредством которого конкретная территория приобретает свои особенности.

Определение термина «сакральный ландшафт» дается исследователями в различных трактовках, имеющих много общего и частного. Сакральным ландшафтом предлагается называть естественные и природно-антропогенные геосистемы, которые выполняют духовную функцию, связанную в первую очередь с религиозными запросами человечества [2, 145]. Особенностью такого этнокультурного пространства является то, что сакральная функция территории на всем протяжении существования этноса сохраняется при изменении религиозной или общественно-политической составляющей.

Вопросу сакральности среды обитания человека в последнее время уделяется большое внимание. Этой теме посвящены отдельные монографии [3; 4], диссертации [5], публикации теоретического характера [6; 7; 8; 9], статьи в привязке к отдельным регионам [10; 11; 12; 13]. Проблемы природно-культурных ландшафтов стали содержанием отдельной научно-практической конференции [14].

В Осетии антропологическая составляющая природного ландшафта пока не стала предметом комплексного исследования, в имеющихся работах рассматриваются лишь отдельные аспекты сакральной топографии [15; 16].

Священные рощи

Рощи являются широко распространенным элементом мифологического

ландшафта. В Осетии такие лесные массивы называются *дзуары хъæд* или *æрхъуын хъæд*. Важная часть их характеристики – связь с определенным чудом, которое и определило сакральность дубравы. Такая соотнесенность культовых практик с рощами отмечается во многих культурах [17; 18].

Понятие «священная роща» встречается в Нартских сказаниях: это чудесная роща из сказания «Борæ дзуары хъæды» («Нарт Бора в священной роще»). Ее деревья светятся подобно свече, ветру подпевают ее родники и водопады. Здесь герой эпоса нарт Бора увидел небесную голубку – племянницу Бога, Арвырухс, и поэтому часто приходил в этот лесной массив [19, 45].

Ярким примером сакрального пространства является роща Хетага в Алагирском районе Северной Осетии. Каждый год в первое и второе воскресенье июля сюда собираются тысячи паломников из окрестных сел и районов Осетии. С рощей связана легенда, повествующая о чуде. В Кабарде у князя Инала было трое сыновей: Хетаг, Бислан и Асланбек. Однажды произошла между ними размолвка. Дело дошло до применения оружия. Одному из братьев пришлось спастись бегством в соседнюю Осетию. Когда его уже настигала погоня, он взмолился о спасении небесам. И был услышан. Голос из лесного массива, что над селением Суадаг, подал ему совет: «Хетаг, укройся в лесу!» Но до спасительной дубравы было далеко, и беглец в отчаянии воскликнул: «Не успеет Хетаг к лесу, но лес – к Хетагу!» В ответ на его призыв со склона поднялся целый лесной массив и, спустившись к Хетагу, укрыл собой беглеца. Участники погони, узрев такое чудо, были вынуждены в страхе отступить. С этого времени, как гласит народная молва, участок леса и стал местом отправления культа небесного покровителя Осетии *Уастырджы*, которого и считают спасителем Хетага [20, 518-519].

Священную рощу называют *Хетæджы къох* («Роща Хетага») или по форме дубравы – *Тымбыл хъæды дзуар* («Святое место круглого леса»). Как на всякий культовый объект, посвященный покровителю мужчин, воинов и путников небожителю Уастырджы, сюда долгое время возбранялся доступ женщинам. Порой в доме не было представителей мужского пола, а получить благословение небес было крайне необходимо. Тогда молитвенные подношения от семьи – пироги, напитки, часть мяса жертвенного животного, денежные пожертвования – передавались через соседских мужчин. И уже в священной роще жрец-дзуарлаг совершал с ними молитву, испрашивая у Уастырджы благословения и защиту для семьи.

В случае с рощей Хетага произошла редкая для Осетии трансформация, когда женщины получили возможность посещать «мужское» святилище. Во время Великой Отечественной войны из окрестных сел на фронт ушло много мужчин. В качестве защиты для своих мужей и сыновей женщины прибегали к помощи молитв в роще Хетага. В беспокойстве за судьбу своих родных они перешли через запрет посещать святое место и стали приходить сюда с подношениями. С тех пор посещение рощи Хетага стало возможным и для женщин.

Еще одним объектом культового действия в лесном пространстве является священная роща – *Дзуары хъæд* в Чесельтском ущелье (РЮО). Это лесной массив площадью около гектара с вековыми деревьями. На склоне расположен небольшой православный храм XVIII в., к которому ведет металлическая лестница в 700 ступенек. В самой роще в 2010 г. был устроен церковный комплекс с храмом, часовней и трапезной. Однако до сегодняшнего дня он бездействует, оставаясь притягательной достопримечательностью для туристов и путников, проезжающих мимо этой рощи.

Священные рощи имеются также у святилищ *Реком* и *Дзивгис* (РСО-А). Практически каждый лес, в котором находится сакральный объект, считается заповедным.

Лесные дубравы изначально сами по себе в понимании людей являлись центром духовной силы, природными храмами. Лишь со временем в их периметре стали возводить культовые сооружения. Как пример – та же роща Хетага, где в новое время был сооружен молебельный дом, ставший частью ландшафта, и та же роща в Чесельтском ущелье, где создан центр православной веры. Поэтому сакральные лесные массивы мы можем считать первичными в отношении рукотворных культовых сооружений.

Пространство священной рощи было запретной территорией. Здесь возбранялось вести какую-либо хозяйственную деятельность, выносить что-либо за ее пределы. Эта табуированность поддерживалась в людях легендами, повествовавшими о небесной каре, которой подверглись нарушители запретов. Наиболее последовательные ревнители этих табу при выходе из рощи отряхивали одежду, чтобы даже травинка или листочек не были ими вынесены за пределы святого места¹. В качестве иллюстрации этого положения приведем свидетельства известного исследователя быта осетин Ю. Клапрота: «В Трусовском ущелье недалеко от с. Абанойы-кау расположена роща – Дзуары кад. Сюда приходили молиться в честь Елиа, резали баранов, мясо которых они поедают, а шкуры в знак почитания развешивают на деревьях. Они верят, что тот, кто срубит в этом лесу дерево, будет наказан богом слепотой, и поправится, только принеся в жертву быка» [21, 202-203]. Возбранялось даже возвращаться за оставленной ненароком в святом месте вещью: «Если кто из осетин, при удалении из священного леса, заметит, что он забыл в оном какую-нибудь вещь, то он уже не может возвратиться за ней, хотя

бы она составляла самую большую драгоценность во всем его имуществе» [22, 180-181].

Запретный статус священной дубравы был известен жителям окрестных сел, и они не предпринимали даже попыток нарушить табу. Но чтобы избежать неприемлемых действий со стороны несведущих путников, на входе в рощу ставили специальный знак *æрхъуыны хъил* – деревянный шест с лоскутком материи².

Священные рощи по причине своей сакральности служили часто и местом, где горцы укрывались от преследования со стороны кровников.

Священные деревья

К этой категории относятся отдельно стоящие деревья, имеющие в представлении людей сакральное значение. Таких объектов нами больше всего фиксировалось в равнинной зоне, где по причине бытования подсечного земледелия лесные массивы были редкостью. Например, жители селения Гвиргвина Велитской зоны Знаурского района (РЮО) выкорчевали дубовый лес под пашню, но оставили несколько дубов для устройства мест отправления религиозного культа. К самому развесистому из них и сегодня еще приходят селянки с подношениями боже-ству детских болезней *Аларды*.

Деревья как часть сакрального ландшафта известны у многих народов, в том числе и на Кавказе. Так, шапсуги и карачаевцы устраивали у подножья деревьев моления во время эпидемий или засухи [23, 371].

Чаще всего в качестве священного объекта определялся дуб, но это могли быть сосна, липа или клен. Однако именно дуб был в приоритете, почитание этого дерева у осетин столь велико, что его древесину в некоторых обществах возбранялось использовать в качестве дров³.

По сведениям античных писателей, древние греки представляли Зевса (наиболее почитаемого из божеств) в виде

дуба и поклонялись ему в этом образе. С этим связан и обычай увенчивать изображение Зевса дубовыми листьями. Позже дуб стали считать деревом, посвященным верховному боже-ству. Сходную роль играл дуб в культурах других грозовых божеств: Юпитера, литовского Перкунаса и др. [24, 177-119]

Дуб, стоящий отдельно или как часть дубравы, создавал пространство молитвословий в честь определенного представителя национального религиозного пантеона: *Уастырджи*, *Уацилла*, *Никкола*, *Аларды* и др. Люди приходили сюда с тремя ритуальными пирогами, мясом жертвенного животного, напитками. В качестве знаков посещения оставляли монетки (*мысайнагта*), среди даров могли быть металлическая или деревянная посуда, рога жертвенных животных, колокольчики. На ветках священного дерева обязательно повязывали лоскутки материи ярких цветов. «Посетив 16 июня 1924 г. священный холм в с. Ортеу с священным дубом, я нашел в небольшом дупле два колокольчика, несколько зерен лобии, восковые свечи. Около основания дуба лежали два камня: один из них почернел от копоты и весь покрыт небольшими углублениями: это оттого, что около него богомольцы зажигают свечи. В другом камне большое углубление, в которое, как и в дупло дуба, клали серебряные монеты», – делился своими впечатлениями от посещения заветного места в с. Ортеу (РЮО) Г.Ф. Чурсин [25, 183].

Существует поверье, что «взрослый» дуб нельзя срубить, можно пользоваться только засохшими ветками, хотя в отношении молодых дубков такой запрет не действует. В этой связи отметим особые правила, действовавшие, например, в случае необходимости срубить орех. Полагалось испечь три пирога и произнести молитву, в которой попросить извинения у дерева⁴. Этого правила придерживаются и поныне.

В разряд «священных деревьев» могло попасть и любое другое дерево, пораженное молнией. После такого природного воздействия оно становилось в понимании людей сакральным объектом, считалось, что небеса отметили его особым знаком⁵. Но даже если пораженное молнией дерево и не использовалось для культовых практик, его возбранялось срубать для хозяйственных целей.

Отметим еще одну особенность сакрального пространства деревьев, отмеченных ударом молнии. Под ними иногда хоронили людей, убитых природным электрическим разрядом. Но не только. Редкий случай захоронения под священным деревом нами зафиксирован в с. Бекмар Знаурского района (РЮО). Здесь под священным деревом, где обычно проходили священнодействия в честь покровителя детских болезней *Аларды*, в старину хоронили детей, умерших от кори⁶.

Есть мнение, что в прежние времена само дерево было объектом сакрального действия, будучи племенным тотемом [26, 128]. Подтверждение этого положения мы встречаем в религиозных практиках Ближнего Востока. Здесь в одной из деревень в пригороде Бейрута (Сирия) рос огромный древний дуб, который население считало священным: перед ним воскуривались благовония и приносились жертвы – как если бы это был храм. Такое же отношение у сирийцев было и к дубовым рощам, позднее в них стали устраивать церкви, мечети и могилы пророков; теперь же лесные массивы стали объектами паломничества представителей официальных религий Сирии: мусульман, христиан и иудеев [27, 395].

Святылища

Эту категорию составляют места сакральных практик, сотворенных руками человека. Часть из них представляют древние капища, другая – небольшие здания, выложенные сухой кладкой, третья – церкви или мечети. Одни объекты

расположены отдельно, другие – стоят в одной ограде вместе с кладбищами или в священной роще. Еще одна особенность – нахождение в общем сакральном пространстве древнего святилища и православной церкви, разнесенных в пространственной вертикали природного ландшафта. Здесь же фиксируется в едином сакральном пространстве присутствие «мужского» и «женского» центров духовной силы.

Одним из ярких примеров формирования сакрального ландшафта Осетии является центр традиционных народных верований *Реком*, связанный с культом покровителя Осетии Уастырджи. Упоминание о Рекоме присутствует в Нартских сказаниях: святилище возникло на месте падения одной из слезинок, которые Создатель пролил по поводу гибели своего любимца, строптивного нартского богатыря Батрадза [28, 533].

Святылища Реком имеются практически в каждом ущелье Осетии – каменные строения различной формы и размеров. Но наиболее известное и выделяющееся своей архитектурой находится в Цейском ущелье Алагирского района. Это четырехугольный деревянный сруб с двускатной дощатой крышей. Еще одна отличительная особенность строения – восемь деревянных резных столбов с фигурными навершиями [29, 418-420].

Помимо святилища Реком, на территории, образованной окружающим лесным массивом, находится еще два религиозных объекта – «женское» и «девичье» святилища. Так же, как и Реком, они представляют собой деревянные срубы, стоят на каменных основаниях, одно из них украшено четырьмя резными консолями. Высотой эти строения около двух метров, небольшой площади, входа внутрь не имеют. У каждого из них есть только по одному окошечку, через которое паломники вкладывают свои подношения [16, 69-73]. Посвящены «женские» святилища *Мады Майрам* (Матери Ма-

рии, Богородице). В случае с этими религиозными объектами мы наблюдаем пространственную и половозрастную соотношенность с единым сакральным ландшафтным пространством.

Святылище Реком окружено каменной оградой, за ее периметром проходят основные действия с участием паломников исключительно мужского пола: коллективное моление, пиршество, в канве ритуального пиршества – состязания в ловкости и силе. Внутри ограды второй контур сакрального пространства, сюда разрешен доступ лишь трем избранным жрецам-дзуарлагам, и, наконец, святая-святых – внутренне помещение святылища. Сюда имеет право входить только один из трех жрецов. Таким образом, формируется три зоны, каждая из которых имеет свой уровень сакральности.

Есть особенность и в части вертикальной зональности. «Мужской» Реком находится выше «женских» святылищ, отражая гендерную иерархию в религиозной сфере народа. Границы расположения «женских» святылищ создают ту условную черту, которую на пути паломников к Рекому женщинам переступить возбраняется.

В части оформления сакрального ландшафта интерес представляет святылище *Тербат* в ущелье реки Лья-дон Алагирского района (РСО-А). Сакральный объект состоит из ограды, разделенной на две части, во внутреннем пространстве каменного ограждения святылища – капище. При взгляде на святылище с высоты птичьего полета оно напоминает лодку, ясно видится нос и корма, а на «палубе» надстройка – капище. Эта визуализация отсылает нас к т.н. «каменным ладьям» – погребальным композициям, характерным для ряда культур железного века и раннего средневековья, существовавших на территории Скандинавского полуострова.

Первые «каменные ладьи» находили на так называемых могильных полях, то

есть территориях, в древности выполнявших функции некрополей. В периметре святылища Тербат захоронений не имеется, хотя при отсутствии сведений об археологических изысканиях на его территории это утверждать однозначно нельзя. Важная деталь: объект привязан к селению Тапан-кау, название которого в осетинской языковой традиции ассоциируется с местом последнего упокоения человека [20, 452]. Это позволяет высказать предположение, что святылище Тербат все же имело отнесенность к хтонической мифологии.

Необходимо отметить и еще одну категорию, когда в одном пространстве находятся святылище и православный храм. В Чесельтском ущелье святылище Мады Майраем нависает над православной церковью Богородицы, однако эта вертикальная разнесенность не мешает местным жителям отмечать праздник с единым содержанием. Богомольцы поднимаются сперва в гору к верхнему святылищу с шашлыком на большом деревянном вертеле, пирогами и выпивкой, а после, спустившись, заходят в православный храм, где молятся, возжигая свечи.

Частью сакральной топографии в Осетии являются и пещеры-святылища. Подобные объекты ритуального назначения: *Дигори изæд*, *Сау барæджы дзуар* и др.

Склепы и кладбища

Частью сакрального ландшафта Осетии являются места захоронения. Здесь они представлены кладбищами и склепами, а также мемориальными символами – стелами.

В настоящее время грунтовые захоронения огорожены металлической или каменной оградой, с крестами или надгробными памятниками. В старину они не огораживались, могильный холмик обкладывали овальной выкладкой из речного камня. Идентификацию покойного выполняла надгробная арочная стела *цырт*, которую устанавливали вне преде-

лов кладбища. Этот кенотаф – памятный знак без захоронения – ставился либо у входа на кладбище, либо на перекрестке или вдоль дороги, ведущей к населенному пункту.

В оформлении памятников используется растительный орнамент, в зависимости от религиозной принадлежности усопшего: крест, полумесяц. В изображениях на стелах раннего периода гендерная символика: газыри, элементы женского костюма, оружие, предметы быта. Часто можно встретить и изображение человека в полный рост.

Особенностью надгробных памятников осетин является детальная эпиграфика, не свойственная соседним народам. Здесь и указание на обстоятельства смерти, и информация о том, кто установил надгробие, и пожелания усопшему на том свете. В посвящении мы можем получить сведения и о статусе человека в обществе. В эмоционально окрашенном тексте читается биография целой семьи, наполненная событиями, чувствами, дающая представление о внутрисемейных отношениях, традиционной риторике скорби и семейной репрезентации в сельском социуме [13, 144].

Еще одна разновидность мемориальных памятников – горизонтально поставленные могильные плиты, также украшенные орнаментом, изображениями диких и домашних животных, предметов обихода, бытовыми сценками.

Яркой визуализацией сакрального ландшафта Осетии являются склепы, определяющие природно-культурное пространство в горной полосе региона.

Это могут быть как отдельно стоящие объекты, так и целые комплексы.

Склепы, являющиеся местом упокоения представителей патронимий, располагаются обычно вне пределов населенных пунктов, но иногда они устраивались и в самом селении. В качестве примера мемориальных комплексов можно привести «Город мертвых» у селения Даргавс (РСО-А) и на окраине населенного пункта Верхний Ерман (РЮО).

Склеповые сооружения в Осетии представлены в нескольких видах: подземные, полуподземные и надземные. При этом именно последняя категория создает наиболее яркую визуализацию ландшафта. Обычно склепы однокамерные в один этаж (надземные), но есть и исключения. В с. Дзукаты-кау Челиатского ущелья (РЮО) стоит склеп в два этажа, представляя собой редкое для Кавказа архитектурное решение.

Склеп мог стать и местом поклонения. Жители селения Мацута Дигорского ущелья (РСО-А) каждый год в июле отмечают праздник, посвященный легендарному герою Нартского эпоса – Сослану. Место отправления этого культа представляет собой склеповое сооружение, где по преданию похоронен эпический герой.

Таким образом, в социально-культурном ландшафте Осетии сакральные локусы представлены в различных категориях: священные рощи и деревья, святилища и кладбища. Каждый из этих объектов служил местом мифологического действия, встречи человека с сакральным пространством.

Примечания:

1. Информант Тигиев Адам Иванович, 78 лет. Записано в с. Дууадоны-астау (РЮО), 1998 г.
2. Информант Цоколаев Насырбег Николаевич, 69 года. Записано в с. Дзивгис (РСО-А), 2003 г.
3. Информант Шавлохов Георгий Васильевич, 71 год, Записано в с. Згубир (РЮО), 1989 г.

4. Информант Кулумбегов Георгий Политович, 83 года. Записано в с. Гвиргвина (РЮО), 2013 г.
5. Информант Бекузарова Гигида Хамбевна, 77 лет. Записано в с. Ног-кау (РСО-А), 1985 г.
6. Информант Чехоев Александр Сергеевич, 68 лет. Записано в с. Бекмар (РЮО), 2013 г.

-
1. *Окладникова Е.А.* Сакральные ландшафты Евразии. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks35735
  2. *Романчук С. П.* Сакральные ландшафты // Гуманитарный экологический журнал. 2002. Т. 4. Вып. 1. С. 112-114.
  3. *Окладникова Е.А.* Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования. Москва: Берлин. Директ-Медиа, 2014. 230 с.
  4. *Хуббулина М.К., Глеугабулов Д.Т., Дукомбайев А.Т.* Сакральный ландшафт Сарыарки: Коллективная монография. Нур-Султан: Рим, 2020. 222 с.
  5. *Яковлева М.Г.* Сакральный ландшафт: антропо-физика социального бытия: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Казань, 2004. 26 с.
  6. *Батамункаев С.Р.* Феномен сакрализации в контексте культа поклонения священным горам // Вестник БГУ. 2011. № 6. С. 254-257.
  7. *Воловик В.Н.* Категории сакрального ландшафта// Географический вестник. 2013. № 4(27). С.26-34.
  8. *Калуцков В.Н.* Этнокультурное ландшафтоведение. М.: МГУ, 2011. 112 с.
  9. Культурные ландшафты как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Булавин, 2004. 249 с.
  10. *Михайлова Л.В.* Сакральный ландшафт Русского Севера. Рябининские чтения. // Электронная библиотека. [Электронный ресурс]. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1501.html>
  11. *Пахомова Л.С., Лукина О.Р.* Сакральные ландшафты Олекминского и Ленского районов // Вестник СВФУ. Серия «Науки о земле». 2018. № 4(12). С. 72-80.
  12. *Степанова О.Б.* Сакральный ландшафт северных селькупов: кладбища, места памятных исторических событий и неосакральные объекты // Современная научная мысль. 2021. № 1. С. 127-132.
  13. *Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Гугова М.Х.* Этнография кладбищ Северного Кавказа // Кавказология. 2019. № 2. С. 128-150.
  14. *Сакральные ландшафты: традиции и современные проблемы:* Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции (Якутск, 9 апреля 2010г.). Якутск: Бичик, 2010. 184 с.
  15. *Дзуцев Х.В., Цагаева А.Д., Цогоев Т.Н.* Священные (табуированные) места Северной Осетии. Владикавказ: Северо-Осетинский центр социальных исследований ИСПИ РАН, 2010. 28 с.
  16. *Тменова Д.Г.* 30 святых мест Осетии. Владикавказ: Респект, 2017. 152 с.
  17. *Hutton R.E.* The Druids: A History. Hambledon Continuum, 2007. 240 p.
  18. Священная роща. [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxu_u/en-ru.ru.754710d1-62e16148-f7aa2838-74722d776562

19. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. Кн. 6. 544 с.
20. Цгоев Х.Ф. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 599 с.
21. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Известия Северо-Осетинского НИИ. 1948. Вып. XII. С. 76-80.
22. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 247 с.
23. Очерки истории Карачаево-Черкесии. В 2 т. Ставрополь: Кн. изд-во, 1967-1972. Т. 1. 267 с.
24. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Эксмо, 2006. 958 с.
25. Чурсин Г.Ф. Осетины. Этнографический очерк. Тифлис, 1925. 321 с.
26. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008. 599 с.
27. Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М.: АСТ-Ермак, 2003. 650 с.
28. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2005. Кн. 3. 712 с.
29. Осетинская этнографическая энциклопедия / Сост. Л. Чибиров. Владикавказ: Проект-пресс, 2012. 686 с.

Kulumbegov, Robert P. – South-Ossetian Research Institute (Tskhinval, Republic of South Ossetia); kulumbegov_2@mail.ru

SACRAL LOCUSES OF THE NATURAL-CULTURAL LANDSCAPE OF OSSETIA.

Keywords: *sacred landscape, sanctuary, sacred grove, stele, cemetery.*

The article deals with the categories of the Ossetian sacred landscape that is part of the natural configuration of the people's habitat. For centuries, people have asserted their presence in a particular area through settlements, developing their households, building religious sites and cemeteries. The human habitat was formed within the natural and ethno-cultural space, of which the sacred landscape became a part. Both man-made objects (stone and wooden constructions, burial places) and natural ones (caves, trees and sacred groves) became its constituent elements. Some of them represented a separate object, others were part of a multilevel complex. With all the detailed study of the individual elements of the religious cult of Ossetia the sacral locus has not been considered as a single space of mythological action. This study is intended to fill this gap. The article presents elements of the Ossetian sacred space by categories: sanctuaries, sacred groves and trees, cemeteries. Each of these objects had its own mythological component distinguishing it from the general number of similar ones. Sacred groves appear as a place of primary religious worship, only after some time they are "filled" with sanctuaries and churches. The oak grove was a space of veneration of a certain representative of the folk religious pantheon, personification also existed in relation to individual sacred trees. The sanctuaries being an important element of the sacral relief of Ossetia are presented as separate objects and as a part of the interconnected mythological space spread in the horizontal and vertical projection. Sacral loci in Ossetia are also gender and age specific. A separate category of the spiritual space consists of the final resting places of man. In Ossetia they are represented by ground burials, crypts of different architecture, memorial steles.

References

1. Okladnikova, E.A. *Sakral'nye landshafty Evrazii* [Sacral landscapes of Eurasia]. [Electronic resource]. URL: https://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks35735
2. Romanchuk, S.P. *Sakral'nye landshafty* [Sacral landscapes]. *Gumanitarnyi ekologicheskii zhurnal* [Humanitarian ecological journal]. 2002, vol. 4. iss. 1, pp. 112-114.
3. Okladnikova, E.A. *Sakral'nyi landshaft: teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Sacral landscape: theory and empirical research]. Moscow, Berlin, Direct-Media, 2014. 230 p.
4. Khubbulina, M.K., Tleugabulov, D.T., Dukombaiev, A.T. *Sakral'nyi landshaft Saryarki* [Sacral landscape of Saryarka]. Nur-Sultan, Rome, 2020. 222 p.
5. Yakovleva, M.G. *Sakral'nyi landshaft: antropo-fizika sotsial'nogo bytiya* [Sacral landscape: anthropo-physics of social being]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philosophy). Kazan, 2004. 26 p.
6. Batamunkaev, S.R. *Fenomen sakralizatsii v kontekste kul'ta pokloneniya svyashchennym goram* [Phenomenon of sacralization in the context of a cult of worship to the sacred mountains]. *Vestnik BGU* [The Bryansk State University Herald]. 2011, iss. 6, pp. 254-257.
7. Volovik, V.N. *Kategorii sakral'nogo landshafta* [Categories of sacral landscape]. *Geograficheskii vestnik* [Geographical bulletin]. 2013, iss. 4(27), pp. 26-34.
8. Kalutskov, V.N. *Etnokul'turnoe landshaftovedenie* [Ethnocultural landscape science]. Moscow, Moscow State University, 2011. 112 p.
9. Vedenina, Yu.A., Kuleshov, M.E. (eds). *Kul'turnye landshafty kak ob'ekt naslediya* [Cultural Landscapes as an Object of Heritage]. Moscow, Heritage Institute, St. Petersburg, Dmitry Bulavin, 2004. 249 p.
10. Mikhailova, L.V. *Sakral'nyi landshaft Russkogo Severa. Ryabininskie chteniya* [Sacral landscape of the Russian North. Ryabinin readings]. *Elektronnaya biblioteka* [Electronic Library]. [Electronic resource]. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1501.html>
11. Pakhomova, L.S., Lukina, O.R. *Sakral'nye landshafty Olekminskogo i Lenskogo raionov* [Sacral landscapes of Olekminsky and Lensky districts]. *Vestnik SVFU. Seriya Nauki o zemle* [The North-Eastern Federal University Herald. Earth Sciences Series]. 2018, iss. 4(12), pp. 72-80.
12. Stepanova, O.B. *Sakral'nyi landshaft severnykh sel'kupov: kladbishcha, mesta pamyatnykh istoricheskikh sobytii i neosakral'nye ob'ekty* [Sacral landscape of the northern Selkups: cemeteries, places of memorable historical events and neosacral objects]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought]. 2021, iss. 1, pp. 127-132.
13. Tekueva, M.A., Nalchikova, E.A., Gugova, M.Kh. *Etnografiya kladbishch Severnogo Kavkaza* [Ethnography of cemeteries of the North Caucasus]. *Kavkazologiya* [Caucasology]. 2019, iss. 2, pp. 128-150.
14. *Sakral'nye landshafty: traditsii i sovremennye problem: Sbornik materialov Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Yakutsk, 9 aprelya 2010 g.) [Sacral landscapes: traditions and contemporary problems: Proceedings of the Interuniversity scientific-practical conference (Yakutsk, April 9, 2010)]. Yakutsk, Bichik, 2010. 184 p.
15. Dzutsev, Kh.V., Tsagaeva, A.D., Tsogoev, T.N. *Svyashchennye (tabuirovannyye) mesta Severnoi Osetii* [Sacred (tabooed) places of North Ossetia]. Vladikavkaz, North-Ossetian Center for Social Research at ISPR RAS, 2010. 28 p.
16. Tmenova, D.G. *30 svyatykh mest Osetii* [30 sacred places of Ossetia]. Vladikavkaz, Respect, 2017. 152 p.

17. Hutton, Ronald Edmund. *The Druids. A History*. Hambleton Continuum, 2007. 240 p.
18. *Svyashchennaya roshcha* [Sacred Grove]. [Electronic resource]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.754710d1-62e16148-f7aa283874722d776562
19. *Nartovskie skazaniya. Epos osetinskogo naroda* [Nart tales. The Epic of the Ossetian people]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2011, book 6. 544 p.
20. Tsgoev, Kh.F. *Slovar' osetinskoi mifologii i uklada zhizni* [Dictionary of Ossetian Mythology and Way of Life]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studie, 2015. 599 p.
21. Klaprot, Yu. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Journey across the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807-1808]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo NII* [Proceedings of the North Ossetian Research Institute]. 1948, vol. XII, pp. 45-56.
22. Kaloev, B.A. *Zemledelie narodov Severnogo Kavkaza* [Farming of peoples of the North Caucasus]. Moscow, Nauka, 1981. 247 p.
23. *Ocherki istorii Karachaevo-Cherkessii. V 2 t.* [Essays on the History of Karachay-Cherkessia. In 2 vols]. Stavropol, Kn. izd-vo, 1967-1972, vol. 1. 267 p.
24. Frazer, J. *Zolotaya vetv': issledovanie magii i religii* [The golden branch: a study of magic and religion]. Moscow, Eksmo, 2006. 958 p.
25. Chursin, G.F. *Osetiny. Etnograficheskii ocherk* [Ossetians. Ethnographic essay]. Tiflis, 1925. 321 p.
26. Chibirov, L.A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional Spiritual Culture of Ossetians]. Vladikavkaz, Ir, 2008. 599 p.
27. Frazer, J. *Fol'klor v Vetkhom Zavete* [Folklore in the Old Testament]. Moscow, AST-Yermak, 2003. 650 p.
28. *Nartovskie skazaniya. Epos osetinskogo naroda* [Nart tales. The Epic of the Ossetian people]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2005, book 3. 712 p.
29. Chibirov, L. (comp.). *Osetinskaya etnograficheskaya entsiklopediya* [Ossetian Ethnographic Encyclopedia]. Vladikavkaz, Proekt-press, 2012. 686 p.